

Конвергенция, взаимозависимость и расхождения

В долгосрочной перспективе экономический рост в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах меньше зависит от стран с развитой экономикой, но в краткосрочной перспективе они «шагают» в ногу

Кемаль Дервиш

БОЛЬШИНСТВО людей считает, что мы живем в интегрированном глобальном мире. Но, глядя на недавнюю историю, что действительно можно сказать о характере этой интеграции? Представляется, что сегодня мировая экономика характеризуется тремя основными тенденциями.

Три основные тенденции

Первой тенденцией является новая **конвергенция**. В своей лекции в 1979 году лауреат Нобелевской премии покойный экономист, занимавшийся вопросами развития, сэр Артур Льюис сказал: «В последние сто лет темпы роста объема производства в развивающихся странах зависели от темпов роста объема производства в развитых странах мира. При высоких темпах роста в развитых странах темпы роста высоки и в развивающихся странах, а когда темпы роста снижаются в развитых странах, они замедляются и в развивающихся. Неизбежна ли эта связь?»

Согласно последним данным, несмотря на сохраняющиеся связи, теперь важно различать долгосрочные тренды и циклические изменения. Примерно с 1990 годов темпы роста доходов на душу населения в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах устойчиво повышались и значительно превышают темпы роста в странах с развитой экономикой. В этом заключается важный структурный сдвиг в динамике мировой экономики.

Второй основной характеристикой мировой экономики является **циклическая взаимозависимость**. Несмотря на открепление долгосрочных *трендовых* темпов роста в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах — или их «расстыкование» — от стран с развитой экономикой за последние 20 лет, это не привело к расстыковке *циклических* колебаний относительно линии тренда.

Новая конвергенция и усилившаяся взаимозависимость совпадают с третьей тенденцией, относящейся к распределению дохода. Во многих странах усилилось неравенство распределения дохода и, в частности, резко возросла доля людей, получающих самые высокие доходы. В США доля 1 процента населения, имеющего самые высокие доходы, почти утроилась за последние три десятилетия, так что на нее теперь приходится примерно 20 процентов совокупных доходов в США (Alvaredo and others, 2012). В то же время при сокращении в результате вышеупомянутой новой конвергенции расстояния между странами с развитой экономикой и развивающимися странами, когда они рассматриваются как группы, доходы миллионов людей в беднейших странах мира остаются почти неизменными

на протяжении более столетия (см. «Более или менее», Ф&Р, сентябрь 2011 г.) Эти два факта увеличили **расхождения** между самыми богатыми и самыми бедными людьми в мире, несмотря на общую конвергенцию средних доходов.

Новая конвергенция

Новая эра конвергенции в мировой экономике началась примерно в 1990 году, когда темпы роста средних доходов на душу населения в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах в целом стали повышаться намного быстрее, чем в странах с развитой экономикой. Резкое разделение стран на богатые и бедные, характерное для мира со времен промышленной революции начала XIX века, в настоящее время смягчается. Главный вопрос заключается в том, продолжится ли эта новая конвергенция и приведет ли она к коренной реструктуризации мировой экономики в примерно следующем десятилетии.

Промышленная революция и колониализм привели к огромному расхождению (Maddison, 2007). С начала XIX века и до середины XX века разрыв в средних доходах на душу населения между более богатым и промышленно развитым Севером и менее развитым Югом увеличился с трех-четырёхкратного до 20 или более раз (Milanovic, 2012). Этот разрыв сократился после Второй мировой войны и с концом колониализма, но разрыв в относительном доходе в среднем оставался стабильным между 1950 и 1990 годами.

За последние двадцать лет, однако, доходы на душу населения в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах росли почти в 3 раза быстрее, чем в странах с развитой экономикой, несмотря на кризис 1997–1998 годов в Азии. Темпы роста в странах с формирующимся рынком ускорились в 1990 годы, а за этим последовало ускорение темпов роста в менее развитых странах на рубеже веков (см. рис. 1).

На рис. 2 показаны базовые трендовые темпы роста, рассчитанные с помощью статистического метода, фильтра Ходрика-Прескотта, для выделения циклических изменений из долгосрочного тренда. Открепление трендовых темпов роста стран с формирующимся рынком с 1990 годов и развивающихся стран — в последнем десятилетии, весьма поразительно.

Рисунок 1

Экономический рост и циклы

За последние три десятилетия экономика стран с развитой экономикой, с формирующимся рынком и развивающихся стран развивалась высокими темпами, но пережила и резкие циклические колебания.

(Темпы роста ВВП на душу населения, в процентах)

Источник: МВФ, апрельский выпуск издания «Перспективы развития мировой экономики» 2012 года.

Рисунок 2

Устойчивая разница

В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах долгосрочные трендовые темпы экономического роста значительно выше, чем в странах с развитой экономикой, особенно с начала века.

(Темпы роста на душу населения, в процентах)

Источник: расчеты автора на основе данных из апрельского выпуска издания «Перспективы развития мировой экономики» 2012 года, МВФ.

В значительной мере эта новая конвергенция объясняется тремя явлениями.

Во-первых, *глобализация* — посредством окрепших торговых связей и растущих прямых иностранных инвестиций — способствует наверстыванию темпов экономического роста по мере импорта и адаптации ноу-хау и технологий отставшими странами. Намного легче адаптировать технологию, чем ее изобрести.

Во-вторых, *демографический переход* большинства стран с формирующимся рынком и многих развивающихся стран, которым сопровождалось замедление роста населения, способствовал повышению капиталоемкости экономики и ускорению темпов роста на душу населения. В то же время во многих из этих стран наступил золотой век, когда отношение экономически активного населения к общей численности населения достигло пика. Между тем, доля престарелых значительно возросла в странах с развитой экономикой, особенно в Европе и Японии.

Третьей важной причиной конвергенции послужил *рост доли доходов*, вкладываемых в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах — 27,0 процентов ВВП за последнее десятилетие по сравнению с 20,5 процента в странах с развитой экономикой. Инвестиции не только повышают производительность труда, предоставляя ему больше капитала, они также могут повышать совокупную факторную производительность — общую производительность капитала и труда, — внедряя новые знания и технологии производства, способствуя переходу от секторов с низкой производительностью, таких как сельское хозяйство, к секторам с высокой производительностью, таким как обрабатывающая промышленность, что ускоряет наверстывание темпов экономического роста. Этот третий фактор, повышение нормы инвестиций, особенно важен в Азии — это особенно заметно в Китае, но не только там. Трендовые темпы роста в Азии повысились раньше и в большей степени, чем в других странах с формирующимся рынком.

Продолжится ли эта конвергенция? Прогнозы всегда рискованы, и некоторые факторы, которые вели к конвергенции в последние 20 лет, вскоре могут утратить значение. Наверстывание темпов роста в обрабатывающей промышленности

в значительной мере уже произошло, и перераспределение рабочей силы из отраслей с низкой производительностью в отрасли с высокой производительностью также исчерпало часть своего потенциала; в некоторых странах даже высокие темпы роста обрабатывающей промышленности создали немногочисленные рабочие места, повысив долю труда в видах деятельности с низкой производительностью (Rodrik, 2011).

Но мы здесь рассматриваем совокупную конвергенцию стран с формирующимся рынком и развивающихся стран мира, в отличие от анализа, в котором очень малым странам присваивается равный вес с Китаем, Индией или Индонезией. В целом, хотя бы в течение следующих 10–15 лет, существует значительный потенциал дальнейшего наверстывания роста. Перераспределение рабочей силы из отраслей с низкой производительностью в отрасли с высокой производительностью может замедлиться, но ее перераспределение из фирм с низкой производительностью в фирмы с высокой производительностью в рамках даже узко определенных подсекторов, вероятно, продолжится весьма устойчивыми темпами. Сектора услуг, энергетики и инфраструктуры также могут иметь значительный потенциал для освоения новых технологий. И, за заметным исключением Китая, демография будет благоприятствовать странам с формирующимся рынком и развивающимся странам по сравнению со «старыми» богатыми странами в течение следующего десятилетия и более. Наконец, очень высокие значения коэффициента долга, накопленного большинством стран с развитой экономикой, будут ограничивать их макроэкономическую политику и сдерживать инвестиции.

Продолжение даже несколько замедлившейся конвергенции приведет к глубокому преобразованию мировой экономики. К 2025–2030 годам доходы на душу населения во многих странах с формирующимся рынком будут значительно ближе к доходам стран с развитой экономикой, отражая как дифференциалы роста, так и вероятное повышение реальных курсов их валют. Экономика Китая, несомненно, станет крупнейшей в мире, и экономики Бразилии и Индии значительно превзойдут по размеру экономики Соединенного Королевства и Франции.

Весьма резкому разделению мира на «развитые» и «бедные» страны, начавшемуся с промышленной революции, придет конец, оно уступит место намного более дифференцированной и многополюсной мировой экономике.

Рисунок 3

Циклическая взаимозависимость

Несмотря на открепление долгосрочных трендов экономического роста, сохраняется тесная циклическая связь между странами с развитой экономикой и развивающимися странами.

(Темпы роста на душу населения, в процентах)

Источник: расчеты автора на основе данных из апрельского выпуска издания «Перспективы развития мировой экономики» 2012 года, МВФ.

Циклическая взаимозависимость

Когда-то, особенно в начале финансового кризиса конца 2007 и начала 2008 года, казалось, что темпы роста в странах с формирующимся рынком, особенно в Азии, останутся высокими, независимо от событий в США и Европе. Затем в конце 2008 года после краха инвестиционного банка Lehman Brothers наступила паника. Заметное снижение темпов экономического роста во всем мире, даже в Китае, вызвало беспокойство, что кризис, начавшийся на Уолл-Стрит, приведет к спаду темпов роста в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах мира.

И действительно, в 2009 году резко замедлились темпы экономического роста во всем мире, со снижением темпов роста на душу населения в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах до менее 1 процента и сокращением почти на 4 процента — в странах с развитой экономикой. Но первые быстро восстановились, при темпах роста на уровне 6 процентов в 2010 году по сравнению с 2,3 процента в странах с развитой экономикой. Устойчивость первой группы во время кризиса привела к новым утверждениям о «разных шансах».

На рис. 2 показаны расхождения в трендах темпов роста для двух групп: ВВП на душу населения стран первой группы рос в два-три раза быстрее, чем в странах с развитой экономикой и,

вероятно, это будет продолжаться. На рис. 3 показано, что таких расхождений не было в *циклах* относительно линии тренда. Циклическая взаимозависимость наблюдается особенно со времени кризиса в Азии 1997–1998 года, и она скорее усилилась (Kose and Prasad, 2010; IMF, 2010). Взаимозависимость также стала сложнее, с усилением связей *между* развивающимися странами. Подъемы и спады в странах-крупных импортерах сырья, таких как Китай, немедленно сказываются на сырьевом экспорте многих развивающихся стран.

В мировой экономике сохраняется взаимозависимость, при которой циклы деловой активности стран выходят за их границы. В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах темпы роста намного выше, чем в странах с развитой

лопнувшим «мыльным пузырем» цен на активы или банками с чрезмерной долей заемных средств — корреляция с доходностью долгосрочных облигаций значительно сильнее, что указывает на зависимость прочности финансового канала от общей ситуации на мировых финансовых рынках. И изменения в структуре процентных ставок по срочности инструментов, отражающие сходство денежно-кредитной политики и конъюнктуры финансового рынка, также влияют на параллельную динамику экономического цикла через прибыльность финансовых организаций и кредитные условия (Claessens, Kose, and Terrones, 2011).

Наконец, как представляется, есть и третий канал взаимозависимости — возможно, тесно связанный со вторым, но ме-

К 2025–2030 годам доходы на душу населения во многих странах с формирующимся рынком будут значительно ближе к доходам стран с развитой экономикой, отражая как дифференциалы роста, так и вероятное повышение реальных курсов их валют.

экономикой, главным образом благодаря факторам на стороне предложения, таким как долгосрочное накопление капитала, технологическое намерствование и демография. Но циклические колебания относительно линии трендов, в большей степени связанные с более краткосрочными факторами спроса, вероятно, тесно связаны. Недавнее снижение темпов роста мировой экономики в начале 2012 года, вызванное в значительной степени проблемами макроэкономического управления и управления в финансовом секторе, чем долгосрочными факторами на стороне предложения, наглядно отражает эту всемирную взаимозависимость.

По-видимому, существует три канала циклической взаимозависимости.

Первым каналом является торговля. По мере роста доли торговли в мировой экономической активности можно ожидать усиления изменений в спросе в одной стране, вытекающих из макроэкономических изменений в другой. Влияние рецессии, например, в одной стране, распространяется на другие страны, снижая спрос на экспорт других стран. Теоретически, при поощрении торговли дальнейшей специализации производства, шоки в отдельных секторах будут обычно уменьшать циклическую взаимозависимость, но на практике макроэкономическое влияние спроса значительно сильнее.

Второй канал действует через все более глобальные, огромные и сложные финансовые рынки. В новом докладе МВФ измеряются «вторичные эффекты» — воздействие мер политики одной страны на другую в результате большого объема торговли и финансовых связей в сегодняшней экономике — и документируется значение финансового канала. На примере еврозоны авторы доклада комитета делают вывод, согласно которому «прямые» (связанные с торговлей) вторичные эффекты напряженности в странах зоне евро, реализующих программы МВФ, не выходят из-под контроля, но если напряженность поставит под сомнение прочность банков зоны евро, вторичные эффекты для остального мира будут значительными — во многих самых серьезных случаях они не уступят последствиям банкротства Lehman» (IMF, 2011). В докладе также указывается, что в стрессовых финансовых условиях — например, вызванных

нее ощутимый — в виде распространения уверенности по всему миру или «природного оптимизма», который оказывает существенное влияние на финансовые рынки и инвестиционные решения. Новости о кризисе рынка субстандартного кредитования в США, по всей видимости, непосредственно повлияли на спреды по свопам кредитного дефолта в странах с формирующимся рынком просто путем распространения «настроения» (Dooley and Hutchinson, 2009).

Всеми этими причинами и объясняется сосуществование открепления долгосрочных трендов роста и сохранения корреляции циклических изменений, при сплетении мировой экономики глобальными и региональными факторами в одно взаимосвязанное целое.

Расхождения в распределении

Помимо общей конвергенции доходов на душу населения и циклической взаимозависимости экономической активности в разных странах, усиление неравенства между странами и растущий разрыв между самыми богатыми и самыми бедными гражданами мира, по всей видимости, вызывает расхождение между самыми высокими и самыми низкими доходами — это возникающая третья основная тенденция. Доходы сконцентрировались «на самом верху» во многих странах. Эта эволюция распределения доходов внутри страны дополняется отсутствием роста доходов на душу населения в группе крайне бедных стран, у которых нет возможности присоединиться к вышеописанной общей конвергенции.

Конечно, конвергенция в результате быстрого намерствования экономического роста, влияющая на значительное большинство в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, порождает быстро растущий глобальный средний класс. При этом разнообразие факторы, в том числе характер технического прогресса, растущая премия за квалификацию, стремительная экспансия мирового рынка и связанная с этим черта многих рынков, на которых «победителю достается все», мобильность капитала в отличие от относительной неподвижности рабочей силы, особенно неквалифицированных работников, и уменьшающееся влияние профсоюзов — привели к усилению концентрации доходов на самом верху во многих

странах, как с развитой экономикой, так и с формирующимся рынком и развивающихся странах.

Между тем в некоторых очень бедных странах, многие из которых страдают от конфликтов и неэффективности государственного регулирования, реальные доходы сотен миллионов человек немногим выше, чем 200 лет назад (Milanovic, 2012). В этом смысле сложились огромные новые расхождения в мировой экономике, имеющие как глобальные, так и националь-

Мир в будущем станет еще более многополюсным и взаимозависимым.

ные аспекты. Дистанция между полюсами распределения доходов в мире в целом возросла.

Во многих странах новой реалией стало резкое разделение на 1 процент населения, имеющих самые высокие доходы, и остальное население. Рост доли, приходящейся на 1 процент населения, имеющего самые высокие доходы, очевиден в США и некоторых англоязычных странах и, в меньшей степени, в Китае и Индии. Но из имеющихся данных неясно, является ли эта гиперконцентрация на самом вершине истинно глобальным явлением. База данных World Top Income (Alvaredo and others, 2012) показывает, что, по крайней мере до 2007 года, в континентальной Европе и Японии не наблюдалось такого сдвига доходов в пользу верхней части шкалы распределения доходов. Но поскольку причины концентрации в основном носят мировой характер и могут лишь частично компенсироваться экономической политикой страны, вероятно, что эта концентрация на самом высоком уровне будет только усиливаться. Оплата руководящих работников в таких странах, как Германия и Нидерланды, например, уже очень быстро повышалась в последнее десятилетие (Fabbri and Marin, 2012). И кризис в зоне евро, сопровождающийся политикой жесткой экономии, вероятно, приведет к усилению неравенства в Европе по мере сдерживания бюджетными ограничениями социальных расходов, тогда как мобильность капитала и высококвалифицированной рабочей силы затрудняют фактическое повышение налогов на самых богатых.

Эти новые расхождения в распределении доходов не всегда подразумевают усиление неравенства в стране. Однако они отражают концентрацию доходов и, через доходы, потенциального политического влияния на самом вершине, что может привести к дальнейшему усилению концентрации доходов. Факторы — технологический, бюджетный, финансовый и политический, создавшие эту динамику, продолжают действовать.

Сотрудничество ради усиления интеграции мировой экономики

Будущее мировой экономики во многом будет зависеть от взаимодействия между конвергенцией средних доходов по стране, усиления взаимозависимости разных стран и растущего разрыва между верхним и нижним «хвостами» распределения доходов, как внутри стран, так и для населения мира в целом. Эти тенденции влекут за собой политические, социальные и геостратегические последствия, от которых будут зависеть дебаты экономической политики в будущем.

Например, растущее значение стран с формирующимся рынком и развивающихся стран должно отразиться в структуре управления международных организаций, от этого зависит их легитимность и действенность. Глобальная взаимозависи-

мость требует укрепления сотрудничества в институциональных рамках, отражающих растущий вес стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. Во-вторых, вышеописанный мировой экономический цикл и вторичные эффекты, недавно документированные МВФ, требуют координации макроэкономической политики. Наконец, потенциально дестабилизирующие тенденции в распределении доходов требуют такой же международной координации политики, без которой трудно было бы проводить политику перераспределения в одной стране. Необходима гармонизация, хотя бы в некоторой степени, баз налогообложения и налоговых ставок, минимизация возможностей для уменьшения налоговых обязательств и управление миграционной политикой с учетом интересов как принимающей страны, так и страны происхождения. Наконец, оказание помощи беднейшим странам остается как моральной, так и политической необходимостью.

Мир в будущем станет еще более многополюсным и взаимозависимым, мировые рынки открывают возможности для стремительного экономического прогресса. Реализация этого потенциала будет во многом зависеть от того, насколько международное сотрудничество повысит эффективность макроэкономической политики стран, учитывая вторичные эффекты, и в какой степени оно будет стимулировать достижение большей сбалансированности и справедливости в распределении плодов экономического роста. ■

Кемаль Дервиш — вице-президент и директор по вопросам мировой экономики и развития в Институте Брукинса.

Литература:

- Alvaredo, Facundo, Tony Atkinson, Thomas Piketty, and Emmanuel Saez, “The World Top Incomes Database,” accessed June 1, 2012. <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes>
- Claessens, Stijn, M. Ayhan Kose, and Marco Terrones, 2011, “How Do Business and Financial Cycles Interact?” IMF Working Paper 11/88 (Washington: International Monetary Fund).
- Dooley, Michael, and Michael Hutchinson, 2009, “Transmission of the U.S. Subprime Crisis to Emerging Markets: Evidence on the Decoupling-Recoupling Hypothesis,” paper prepared for the JIMF/Warwick Conference, April 6.
- Fabbri, Francesca, and Dalia Marin, 2012, “What Explains the Rise in CEO Pay in Germany?” CESifo Working Paper Series No. 3757 (Munich: CESifo Group).
- International Monetary Fund (IMF), 2010, World Economic Outlook (Washington, October).
- , 2011, “Consolidated Spillover Report: Implications from the Analysis of the Systemic-5” (Washington).
- Kose, M. Ayhan, and Eswar S. Prasad, 2010, Emerging Markets: Resilience and Growth amid Global Turmoil (Washington: Brookings Institution Press).
- Lewis, Arthur, 1979, “The Slowing Down of the Engine of Growth,” Nobel Prize lecture, Stockholm, December 8. www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1979/lewis-lecture.html
- Maddison, Angus, 2007, Contours of the World Economy, 1–2030AD (Oxford, United Kingdom: Oxford University Press).
- Milanovic, Branko, 2012, “Global Inequality: From Class to Location, from Proletarians to Migrants,” Global Policy, Vol. 3, No. 2, pp. 125–34.
- Rodrik, Dani, 2011, “The Future of Economic Convergence,” paper prepared for the 2011 Jackson Hole Symposium of the Federal Reserve Bank of Kansas City, August 25–27.